

М. М. Дадыкина
(Санкт-Петербург)

**Новгородская и московская традиции
в практике частного делопроизводства населения
Русского Севера XV–XVII веков**

Проблема влияния двух канцелярских традиций на развитие русского частного акта была затронута С. Н. Валком в его статье о начале русского частного акта как явления¹. Позднее к ней обращался А. И. Копанев, который отмечал, что XVI век является важной вехой в истории двинских актов, когда после присоединения Двины к Московскому государству происходит смена новгородской традиции составления акта новой московской традицией². Однако поставив эту проблему, он в дальнейшем исследовании к ней не возвращается, рассматривая общее развитие формуляра различных поземельных двинских актов, таких как купчие, меновые, отступные, данные, отводные, дельные и мировые.

Выводы, сделанные исследователями, в частности В. Ф. Андреевым и А. И. Копаневым, о том, что замена новгородской традиции московской (Северо-Восточной Руси) происходит уже в XV веке, могут быть скорректированы. Рассмотрим развитие этой тенденции в течение XVI–XVII веков на материале духовных грамот населения Русского Севера и Северо-Запада. География актов охватывает обширный регион, в который вошли территории Обонежья, Выга, Важские земли, Холмогорский, Двинской, Каргопольский, Устюжский уезды, Варзуга, Кола. Количество духовных грамот, дошедших до нас от этой территории невелико, распределение актов по периодам представлено в таблице.

Таблица
Духовные грамоты Севера и Северо-Запада России*

Период	I пол. XVI в.	II пол. XVI в.	I пол. XVII в.	II пол. XVII в.	Всего
Количество грамот	12	26	10	8	56

**Источник:* СПб ИИ. Ф. 5. Антонисво-Сийский монастырь; Кол. 2. Акты Археографической комиссии; Кол. 27. Важские акты; Кол. 47. Двинские акты; Кол. 174. Акты до 1613 г.; РГАДА. Ф. 1201. Соловецкий монастырь. Оп. 3.; РГАДА. Ф. Устюжский Архиперейский дом; ОР БАН. Ф. 1. Архангельское собрание.

Исследования В. Ф. Андреева³ и Л. М. Марасиновой⁴ позволяют говорить о том, что формуляр завещания в своих общих чертах сформировался в псковском и новгородском делопроизводстве к началу XV века. Этими же исследователями были отмечены специфические черты, свойственные завещаниям каждой из делопроизводственных традиций и их сравнение с традицией, сформировавшейся в Северо-Восточной Руси, позднее составившей основу московского делопроизводства.

В. Ф. Андреев на примере нескольких видов актов, в том числе и завещаний, подробно исследовал особенности новгородского делопроизводства XII–XV веков. Он составил типический формуляр новгородских завещаний, отметив первое различие между ними и их аналогами, происходившими из Пскова и Северо-Восточной Руси: новгородская традиция (как и псковская, на что обращала внимание также и Л. Марасинова) называла завещание «рукописанием», тогда как принятый позднее термин «духовная грамота» был явно московского происхождения⁵. Самые ранние завещания Северо-Восточной Руси относятся к XIV–XV векам, и они с самого начала именуют себя «духовными/душевыми грамотами» в тексте акта. В связи с этим следует отметить одно из характерных явлений делопроизводственной практики (в первую очередь это касается, безусловно, монастырских канцелярий) конца XVI–XVII веков на Севере и Северо-Западе. В результате проведения своеобразных ревизий происходило упорядочение архивов и составление копий наиболее важных и ценных с точки зрения защиты владельческих прав документов многие древние акты получили новые наименования, соответствовавшие бюрократическим реалиям этого времени. Так, часто переписывая или сортируя завещания, попавшие в монастыри Севера и Северо-Запада еще в «новгородскую» эпоху, дьячки переименовывали старинные «рукописания» и «изустные памяти» в «духовные». Тем самым, с одной стороны, они, как носители новой традиции, вводили эти акты в современную и понятную им делопроизводственную «систему координат», с другой, они еще хорошо ориентировались в старой терминологии (правда, чем дальше, тем хуже, что порой приводило к ошибкам).

Другой характерной чертой новгородского делопроизводства являлась традиция, пришедшая сюда и удерживавшаяся благодаря тесным контактам с Западной Европой, составлять не только публичные, но и частные акты даже в XVI веке не на бумаге, а на пергамене. Позднее с таких харатейных духовных, обветшавших со временем, составлялись списки, как это произошло, например, с грамотами Михайло-Архангельского монастыря, откуда дошли преимущественно те акты, с которых были сняты копии в отдельную

Копийную книгу конца XVII века⁶. В отличие от этой традиции на северо-востоке бумага рано проникает в частное делопроизводство.

Поскольку отправной точкой данного исследования является рубеж XV–XVI веков, рассмотрим типичный формуляр завещаний этого времени, делая акцент на клаузулах, которые имели различный вид в актах, относящихся к различным географическим регионам.

Формуляр завещаний конца XV – начала XVI века:

1) *Invocatio*: Во имя отца и сына и святого духа. К данному периоду начальная клаузула уже обрела свой устойчивый вид, который и в дальнейшем не претерпит изменений.

2) *Intitulatio+arenga*: Се яз, раб божий, (имярек) пишу рукописание при своем животе. В псковских завещаниях используется формула «отходя сего света...», в московских – «целым умом (с XVI века добавляют «и разумом») пишу грамоту духовную у кого ми что взяты, кому, что дати» – в двинских актах также (но он располагал незначительным их количеством для XV в.).

В отличие от Пскова и Северо-Восточной Руси, где указывалось только имя завещателя, в Новгороде употребляли полное именование, включая и отчество (кроме монахов и женщин). В двинских завещаниях наблюдается большое разнообразие в оформлении этой части акта. Очевидно, на данном этапе все зависело от происхождения писца и завещателя, каждый из которых являлся соавтором документа⁷ и был носителем определенной делопроизводственной традиции, что отражалось в сложной компоновке устойчивых элементов при составлении завещания. В то же время ранее, многих других была заимствована из северо-восточной традиции клаузула о долгах, которая не была свойственна собственно новгородским завещаниям.

3) *Dispositio*: в Новгороде эта клаузула открывалась устойчивым элементом «А приказываю/ а даю...», после чего шло распоряжение имуществом в следующем порядке: земля, долги, челядь. Обычно новгородское делопроизводство, тяготевшее к пространности, стремилось как можно подробнее указать, как были приобретены владения, с кем они находились в долевом разделе, у кого куплены и т.п. Все это не было характерно ни для Пскова, ни для северо-восточных (московских) актов. В московских духовных диспозитивная часть начиналась со списка долгов, а затем следовали распоряжения земельными владениями без подробного указания на характер владения и приобретения земли.

Функции исполнения завещания возлагались на душеприказчиков, которых в новгородской традиции выбирали из числа наиболее влиятельных родственников, соседей, богатых и известных людей.

Специфической чертой новгородских завещаний было употребление в качестве заключительного элемента диспозиции символической фразы, никогда не встречавшейся ни в псковских, ни в северо-восточных актах: «А не виноват никому ничем, разве Богу душою». Этот элемент будет сохраняться в духовных Русского Севера вплоть до конца XVII века.

4) *Sanction* (заклятия от нарушения): «А кто се рукописанье преступит, сужусь с ним пред Богом» – одна из древнейших в новгородских духовных, которая постепенно исчезает в XVII веке.

5) *Corroboratio* (удостоверительная часть) включала в себя: имя духовника, имена свидетелей (в обонежских и новгородских завещаниях этого нет, есть – в двинских, северо-восточных, псковских), печать новгородского наместника (в двинских XVI–XVII вв. – архиепископа, в московских – митрополита).

6) *Datum* объединяла указание даты и лица, писавшего грамоту. Последнее, впрочем, не было характерно для формуляра псковских и новгородских завещаний, но являлось обязательным элементом в северо-восточных и двинских актах.

В целом, формулярный анализ показал, что в первой половине XVI века заимствованная из московского формуляра клаузула «пищу сию духовную при своем животе своим целым умом и разумом: кому ми что дати и у кого ми что взяти» не является обязательной, хотя и встречается в большей части грамот.

В дальнейшем на территории выбранного региона сосуществуют две традиции, хотя ближе к концу XVI века преобладающей тенденцией становится использование формуляра, близкого к московскому типу.

Формуляр северных завещаний XVI века:

1) «Во имя отца и сына и святого духа».

2) «Се яз, имярек, пишу сие...»:

а) «рукописание (изустную память) при своем животе» – такая формулировка встречается чаще в грамотах, датируемых первой половиной XVI века, и постепенно вытесняется московской (вариант «б»);

б) «духовную грамоту своим целым умом и разумом, кому ми что дати и у кого что взяти».

3) «Дати ми... взяти ми...».

Далее следовали имущественные распоряжения «статками» и «животом».

Духовные середины второй половины XVI века, в какой бы канцелярской традиции они ни были составлены и в независимости от социального статуса завещателя, отражают особую заботу об

исполнении поминальной обрядности, что находит выражение в расширении диспозитивной части за счет особых распоряжений: «А дати на воск и на темьян/фимьян» – далее следуют дарения или денег, или вещей, или скотины в пользу клира одной или нескольких церквей. Позднее этот элемент станет характерен преимущественно для духовных грамот монахов и священников:

«на воск и на темьян и на проскуры и на мед по полтине, а поминали б род наш по свертку и в настенну б написали те же имена; А приказываю свою духовную грамоту, дати и взяти, и душа помянути господину своему, архангелскому игумену Иасафу да господину своему старцу Кирьяку, да брату своему...»⁸.

Во второй половине XVI века после элемента «кому ми что дати, у кого что взяти...» вписывали, если вообще это делали, «дати ми на сорокоуст» духовному отцу или священникам других церквей.

Затем следовало назначение душеприказчиков: «А приказываю сию духовную» тому-то (обычно родственникам), «дати и взяти и по душе поправить». Этот элемент до XVII века не занимает устойчивой позиции, поэтому в ряде духовных находим ее в удостоверительной части после формулы «на то бог послух». Характерными чертами формуляра этого времени стало соединение старой новгородской формулы «а приказываю» с новыми московскими, замена «рукописания» на «духовную», включение элемента «дати и взяти», который, впрочем, в половине случаев не влечет за собой дальнейшее, связанное с ним перечисление долговых обязательств, а осмысливается как вводный оборот к распоряжению о поминальных вкладах.

4) Санкция в ее первоначальном виде («а сужуся пред Богом/на Страшном Суде») постепенно уступает место новым формулам. В некоторых духовных второй половины XVI века после сделанных распоряжений вставлена фраза, защищающая права назначенных наследников от возможных судебных споров с другими потенциальными претендентами на наследство: «А нет дела до тое земли/статков/живота ни братьям, ни дядьям, ни... роду моему, ни племени», после чего может следовать (а может и отсутствовать) собственно санкция, но широкое распространение этот элемент формуляра получит позже⁹.

5) Удостоверительная часть завещания выглядит в формулярах этого типа стандартно: «А за тем есми не виноват, разве Богу душою, на то Бог послух, да отец мой духовный. А у сеи духовной седали люди добрые/мужи (такие-то)». Обычное число послухов для завещаний на Руском Севере, составленных в старой традиции было от 2 до 5.

6) «А духовную грамоту писал...» – здесь указывалась точная принадлежность писца той или иной церкви или монастырю, часто указана волость. Дата в это время уже указывалась полная.

Другой разновидностью формуляра был вариант, более приближенный к «московскому»:

1) «Во имя...».

2) «Се яз... пишу сию духовную целым умом и разумом кому ми что дати и у кого что взяти».

3) «Дати ми... взяти ми...». Далее в соответствии с московской традицией шли имущественные распоряжения. Особенностью этого формуляра было краткое распоряжение о поминовении своей души: «А душу свою приказываю (тому-то) и отцу душевному». Назначение душеприказчиков вводилось оборотом «Да приказываю...». Характерной чертой этого формуляра является отсутствие санкции, за диспозитивной частью сразу следует удостоверительная.

4) «А у сеи духовной сидел отец мой духовной да послухи» – всегда только двое, а сам термин «послухи» также, по-видимому, заимствован из московской практики, в новгородской (и псковской) терминологии он не встречается.

5) «А духовную писал...» и дата, не обязательно полная.

Усиление позиций центральной государственной власти и церкви приводит к тому, что в конце XVI – начале XVII века через нормы Судебника 1550 года обязательным становится присутствие духовного отца при составлении завещания. И это находит свое отражение в формуляре духовной, где удостоверительная часть начинается обязательно с клаузулы «У сеи духовной сидел отец мой душевной...» и только после этого упоминаются другие свидетели, причем теперь их, как правило, двое.

С конца XVI века роль духовного отца, как при составлении завещания выразилась также в расширении традиционного элемента заключительной части диспозиции «а не виноват есми никому разве Богу душею да отцу духовному», а также в том, что в качестве душеприказчика все чаще назначался именно духовный отец завещателя. Все это является важным индикатором происходивших изменений в модели общественных отношений, когда на смену контроля над частной жизнью индивида со стороны крестьянского или городского сообщества приходит контроль со стороны церкви и ее представителей¹⁰.

В первой половине XVII века завещатели начинают также указывать более конкретные обстоятельства составления духовной, что приводит к вариативности начального элемента диспозитивной части. Завещание составляется:

- «отходя сего света»;
- «при своем животе»;
- «лежа в болезни».

В двух последних случаях в распорядительной части может быть добавлена фраза «а сведет Бог смерть...».

В актах этого времени, происходящих из Устюжского уезда, начальный элемент второй части акта (интитуляция плюс аренда) имеет особенный вид: «Се яз, раб божий, ... пишу **изустную память** своим целым умом и разумом, кому ми что дати и у кого, что взяти.», после чего следует не перечисление долгов, как того требует употребленная фраза, а распоряжение земельными владениями. При этом в конце акт может снова быть назван «духовной», а в свидетельствах послухов также отражено смешение нескольких традиций, носителями которых они были – они удостоверяют акт, называя его кто – «духовной» («у духовной сидел»), кто – «изустной».

В середине – второй половине XVII века формуляр духовной грамоты претерпевает изменения в двух направлениях. Вклады на поминовение души могут составлять значительную часть имущественных распоряжений – по многим церквам и монастырям – иконы, предметы золотой и серебряной утвари, одежда, книги.

Распоряжение о поминальной службе помещается теперь в конце общих имущественных распоряжений и обязательно включает три составные части: на сорокоуст, на крылос, в казну (как правило, в денежном эквиваленте от 10 до 40 алтын, дарение какой-либо части движимого имущества, как это встречалось в XVI веке, теперь используется редко).

Одновременно с расширением диспозиции за счет включения в нее подробного перечисления вкладов в церкви и монастыри и росписи поминальных служб заключительные части формуляра становятся более лаконичными:

– «А сию духовную приписываю... (чаще всего духовнику) и дать и взятъ и по душе поправить / помянуть.»;

– «А у сеи духовные сидел отец мой душевной (имярек) да (имярек)¹¹»;

– «Духовную писал (такой-то)»;

– дата указывается полная.

Из формуляра этого времени практически исчезают характерные старинные новгородские фразы «А не виноват есми никому, разве Богу душею» и «на то Бог послух», редко встречается санкция за нарушение воли завещателя, столь характерная для новгородских «рукописаний» – «сужуся с ними на Страшном суде». Вместе с тем там, где можно предполагать нарушение прав части наследников по закону, эти архаичные формулы вводятся в текст акта.

Подводя общие итоги, можно говорить о том, что, действительно, с конца XV века на территории севера и северо-запада Русского государства наблюдается постепенное замещение прежней традиции делопроизводства, типологически близкой новгородской, московской традицией. Первой, уже в конце XV – начале XVI века, изменилась начальная клаузула, по которой даже при беглом взгляде на документ представители судебной власти и бюрократического аппарата как носители иной, московской традиции могли легко атрибутировать данный акт. Можно с уверенностью говорить, что этому процессу в немалой степени способствовало замещение в составе местной власти и канцелярии старых кадров на новые, в том числе присылаемые из Северо-Восточной Руси для проведения ревизии в городских архивах Новгорода и Пскова¹². Наиболее длительное сохранение старой традиции наблюдаем в заключительных частях акта – санкции и корроборации. На Русском Севере сосуществование в делопроизводственной практике двух традиций, по-видимому, может быть объяснено влиянием нескольких факторов. Во-первых, поскольку носителями делопроизводственной традиции были как писцы, так и, хотя и в меньшей степени, сами авторы завещаний, то в конечном итоге в акте происходило наложение друг на друга разных традиций (возможно, в зависимости от происхождения писцов и самих завещателей). Причем, если завещатель лично составлял текст духовной, то он, как правило, использовал более архаичные обороты и выражения, включая в формуляр уже устаревшие элементы клаузул или нарушая устоявшийся порядок их взаиморасположения.

Во-вторых, слияние традиций выполняло (неосознанно для самих авторов текстов) роль коммуникатора – с государством путем употребления тех формул и элементов формуляра, которые обеспечивали легитимность завещания перед представителями власти (прежде всего, судом), с одной стороны, и легитимность в глазах родственников и соседей (более архаичные формулы) – с другой.

В-третьих, вероятно, для ряда районов севера следует также учитывать фактор старообрядчества как принципиального носителя более архаичной культурной традиции в целом и делопроизводственной в частности.

Процесс замены, а точнее, слияния различных традиций делопроизводства, занял длительное время, испытывал на себе влияние множества факторов, и, тем не менее, не привел к полной унификации формуляра, несмотря на усилия, предпринимаемые в этом направлении Московским государством по мере укрепления позиций центрального бюрократического аппарата. Во всяком случае, при составлении завеща-

ний на Русском Севере даже в конце XVII века наблюдалась некоторая вариативность формуляра, что отражало как особенности социального и экономического уклада этого региона, так и остававшийся относительно слабым контроль над ним со стороны центральной бюрократии.

¹ Балк С. Н. Начальная история древнерусского акта // ВИД. М.; Л., 1937.

² Копанев А. И. Дипломатика поземельных актов двинских крестьян XVI века // ВИД. Т. VI. Л., 1974. С. 142–161.

³ Андреев В. Ф. Новгородский частный акт XII–XV вв. Л., 1986.

⁴ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV–XV ввек. М., 1966.

⁵ Версия появления термина «рукописание» была изложена Ю. Г. Алексеевым в его статье, посвященной Псковской судной грамоте (ПСГ): он предположил, что на рубеже XIII–XIV вв. происходит важное изменение, вызванное переходом от норм Русской Правды с ее традицией заключения устного договора – «ряда» – в присутствии соседей при отчуждении земли, так как сделки и заключались только внутри общины, к отчуждению земли за пределы общины, что вызвало появление и широкое распространение письменного акта, и было впервые зафиксировано нормами ПСГ, изменившими некоторые положения о завещании. См. об этом: Алексеев Ю. Г. Частный земельный акт средневековой Руси (от Русской Правды до Псковской судной грамоты) // ВИД. Т. VI. Л., 1974. С. 125–141.

⁶ Копийная книга Михайло-Архангельского монастыря. XVII в. // ОР БАН. Ф. 1. Архангельское собрание.

⁷ См. о проблеме авторства в частном акте: Кауштанов С. М. Проблемы достоверности авторства исторического источника // Восточная Европа в древности и средневековье: Автор и его текст. XV чтения памяти В. Т. Пашуто. Москва, 15–17 апреля 2003 г.: Материалы конф. М., 2003. С. 115–120.

⁸ Духовная грамота инок Арсения. 1567 г. Список с харатейной грамоты XVI в. // Копийная книга Михайло-Архангельского монастыря. XVII в. // ОР БАН. Ф. 1. Архангельское собрание.

⁹ Занятие устойчивых позиций этого элемента может быть соотносено с широкой практикой оспаривания завещаний и имущественных споров разных слоев населения, в том числе и не принадлежавших к элите, ставшей популярной, судя по судебным делам, в XVII век.

¹⁰ Этот процесс идет параллельно с формированием крупного монастырского и церковного землевладения в первую очередь за счет крупных и мелких вкладов и дарений со стороны мирян разного социального статуса. С этого же, примерно, времени расширяется стремление церкви утвердить церковную форму заключения брака, усиливается роль поминальной части в обрядности, что приводит к появлению в ряде завещаний указаний на поминовение усопших родственников, просьбы похоронить по определенному образцу и в заранее выбранном месте (монастыре) и т.п.

¹¹ Вариант: «а в послуших седел отец мой душевной да люди добрые...».

¹² См. об этом, в частности, у Л. М. Марасиновой и В. Ф. Андреева.